

Священникъ Астраханской Покровской церкви

ЕВТРОПІЙ АФАНАСЬЕВИЧЪ КОЧЕРГИНЪ.

(Автобіографія).

Родился я и воспитался въ селѣ Альшанкѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Родители мои принадлежатъ отъ рожденія къ расколу поповщинскаго согласія, первоначально бѣглопоповщинскаго, а потомъ, съ появленіемъ Австрійской Герархіи, отецъ мой перешелъ въ Австрійство и самъ былъ рукоположенъ во священники лже-епископомъ Пафнутіемъ Казанскимъ. По словамъ моего отца, я крещенъ былъ въ 1855 году Австрійскимъ лже-священникомъ, а въ 1867 и 68 годахъ я обученъ былъ грамотѣ и крюковому, старообрядческому пѣнію. Съ этого времени отецъ мой сталъ брать меня съ собой для исправленія требъ у старообрядцевъ, живущихъ въ Сердобскомъ, Кузнецкомъ и Балашовскомъ уѣздахъ. Въ то время многіе крестьяне, только что освободившись отъ крѣпостнаго права, и воспользовавшись свободой, переходили изъ православія въ расколъ. Случалось намъ съ отцомъ принимать въ расколъ за одинъ разъ 50 и 70 человекъ и всѣ эти люди переходили безъ всякаго убѣжденія. Пріѣзжаемъ въ бывшее время въ село, тайно отъ правительственной власти, останавливаемся гдѣ нибудь посекретѣе, и вотъ является какой нибудь старикъ, коноводъ раскольничій, и заявляетъ, что столько то желаютъ „исправиться“ въ Христову вѣру, а исправой въ расколѣ называется чинопріемъ изъ православія въ расколъ. Предварительно я вычитывалъ всѣмъ отрицаніе отъ различныхъ ересей, конечно неимѣющихся въ православной церкви, а отецъ мой, послѣ отрицанія, помазывалъ муромъ. Муромъ, которое лже-епископъ Афанасій отпускалъ своимъ ставленникамъ, было вывезено имъ самимъ изъ Иргизскаго монастыря, сваренное тамъ бѣглыми понами, а Афанасій это муромъ разбавленное деревяннымъ масломъ выдавалъ за древнее патріаршее. Афанасій даже предпочиталъ болѣе свое муромъ, чѣмъ сваренное за границей лже-митрополитомъ Кирилломъ. Но не смотря на то, что данное намъ Афанасіемъ, подъ именемъ мурома, было въ сущности деревянное масло, мы часто сами еще его разбавляли вновь тѣмъ же деревяннымъ

масломъ, и это повторять приходилось часто. Возьмемъ, бывало, небольшой флакончикъ мѣра изъ двора, прїѣзжаемъ въ одно село, въ другое; при большомъ количествѣ требъ мѣро приходитъ къ концу, мы и подольемъ масла. Если же приходилось въ дорогѣ нечаянно разбить флаконъ съ мѣромъ, то въ этомъ случаѣ поступалось такъ: возьмемъ оставшуюся каплю и положимъ на цѣлый флаконъ другаго деревяннаго масла. Съ 1863 года по 1870 годъ моимъ отцемъ было принято изъ православія въ расколъ около 2000 душъ обоюго пола. Въ 1870 году я поступилъ причетникомъ при Саратовскомъ молитвенномъ домѣ, гдѣ и находился по 1-е ноября 1876 года. Состоя при отцѣ и поступивши при Саратовской молельнѣ причетникомъ, я не ограничивался только причетническою обязанностію. Имѣя много свободнаго времени отъ своихъ обязанностей, я сталъ ревностно заниматься чтеніемъ старопечатныхъ книгъ, вслѣдствіе чего сталъ лучшимъ начетчикомъ у старообрядцевъ и часто велъ бесѣды съ раскольниками другихъ согласій, какъ-то: бѣглопоповцами, безпоповцами и въ тоже время бывалъ на раскольническихъ соборахъ въ Хвалынскѣ, куда съѣзжались до 20 лже-священниковъ и болѣе 30 человекъ депутатовъ отъ разныхъ раскольническихъ обществъ. Соборы открывались въ присутствіи лже-епископа Амвросія пѣніемъ стихиръ: „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“. Все вопросы, которые рѣшались на соборахъ, рѣшались купцами; что же касается до поповъ и самого архіерея, то они присутствовали на соборѣ для мебели, а разсуждать о чемъ нибудь было „не ихъ дѣло“, выражаясь словами купцовъ-воротиль. Это частію оттого, что лже-священники ихъ, по своему тупому, не могутъ ничего сказать порядочнаго, а съ другой стороны, раскольническіе коноводы терпѣть не могутъ, если кто говоритъ несогласное съ ихъ мнѣніемъ, — въ такомъ случаѣ они прикажутъ сію же минуту замолчать. При разсмотрѣніи разныхъ вопросовъ, на раскольническихъ соборахъ иногда касались вопросовъ объ исправленіи нѣкоторыхъ обрядовъ противъ устава, уважаемаго всеми старообрядцами патріарха Іосифа. Такое дѣйствіе раскольническихъ коноводовъ много помогло мнѣ въ послѣдствіи при разрѣшеніи вопросовъ объ исправленіи церковно-

богослужебныхъ книгъ; если, думалъ я, лже-епископъ Амвросій съ своими коноводами позволяютъ себѣ исправлять уставъ патріарха Іосифа, то на какомъ же основаніи обвиняютъ соборъ русской церкви, бывшій въ 1654 году, на которомъ постановлено исправить нѣкоторыя ошибки въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, согласно съ древлеписанными и печатными? Противъ этого возстали и возстаютъ наши раскольники, сами же исправляютъ согласно своего своевольнаго ума, и это никого не тревожитъ. Изъ этого видно, что наши, глаголемые, старообрядцы лишь на словахъ считаются старообрядцами, а на дѣлѣ обрядоизбиратели. Съ 1868 года старообрядцы Австрійскаго толка, Саратовской губерніи, особенно были встревожены появленіемъ *окружнаго* посланія, которое появилось въ свѣтъ въ 1862 году, но до нашихъ мѣстъ оно дошло только въ 68 году. Повсюду поповцы раздѣлялись на двѣ враждебныя стороны, проклиная одна другую. Но эту вражду усиливали сами мнимые папстыри; они въ одно время принимали посланіе, а въ другое проклинали его, смотря потому, на которой сторонѣ болѣе купцовъ; гдѣ болѣе купцовъ, тамъ болѣе и духовенства. Что же касается меня, то я, съ перваго же дня появленія къ намъ *окружнаго* посланія, сдѣлался его усерднымъ почитателемъ, такъ какъ оно сближаетъ старообрядцевъ съ церковью православною. Мнѣ, какъ вачетчику, пришлось видѣть много разныхъ безобразій между враждующими изъ-за *окружнаго* посланія. Начались нескочаемые споры—кто „за“, кто „противъ“. При спорѣ обѣихъ враждующихъ сторонъ постоянно дѣло доходило до брани, а часто и до драки.

При собесѣдованіи моемъ съ безпоповцами, первымъ дѣломъ приходилось поставять имъ вопросъ—о немѣннѣи у нихъ іерархіи. Безпоповцы же, не имѣя возможности опровергата доказательства о вѣчномъ существованіи въ церкви Христовой іерархіи, въ свою очередь, поставляли и меня въ безвыходное положеніе. По прекращеніи у поповцевъ на 180 лѣтъ епископа, у нихъ прекратилось и собственное священство, за немѣннѣемъ котораго поповцы принимали бывшихъ поповъ отъ православной церкви, по ихъ мнѣнію еретической. Значить по собственному

признанію поповцевъ выходить, что обѣтованія Христа Спасителя, — о neodолѣнности церкви Его, относятся не къ православной церкви, а еретической, и, будто благодать Св. Духа, преподаваемая въ таинствѣ хиротоніи, сохранена Христомъ Спасителемъ не въ церкви православной, а у еретиковъ, а православные заимствуютъ уже отъ еретиковъ, какъ это было у поповцевъ 180 лѣтъ. Такія справедливыя возраженія со стороны безпоповцевъ невольнo заставляли меня всматриваться въ свое положеніе. Въ это время я познакомился съ православными миссіонерами, бывшими тогда въ Саратовѣ, протоіереемъ Іаковомъ Васильевичемъ Грузлевымъ и съ бывшимъ тогда іеромонахомъ, нынѣ епископомъ Дмитровскимъ, первымъ викаріемъ Московскимъ, Мисаиломъ. Съ миссіонерами не одинъ разъ вступалъ въ публичныя собесѣдованія, въ особенности же съ о. Мисаиломъ, который даже давалъ мнѣ изъ своей библіотеки книги; послѣ прочтенія книгъ и устныхъ бесѣдъ, я положительно началъ сомнѣваться въ правильности Австрійскаго священства. По совѣту о. Мисаила, я завелъ переписку съ священникомъ Константиномъ Ефимовичемъ Голубевымъ, издателемъ журнала „Истина“ въ Псковѣ. Сему послѣднему я болѣе всѣхъ обязанъ благодарностию за изведеніе меня изъ раскола, за высылку безвозмездно журнала „Истина“ и другихъ книгъ въ большомъ количествѣ. Книги о. Константина даже не одному мнѣ послужили на пользу, но и другимъ старообрядцамъ, — прихожанамъ моего отца, которымъ отецъ мой давалъ прочитывать, не замѣчая, конечно, и самъ того, что книги эти направлены въ обличеніе Австрійской іерархіи. По прочтеніи означенныхъ книгъ, нѣсколько прихожанъ моего отца, въ селѣ Бековѣ, присоединились къ православію. Тутъ только отецъ мой узналъ, что причиною присоединенія его прихожанъ были мои книги; за то мнѣ былъ сдѣланъ выговоръ и на меня стали смотрѣть, какъ на покровителя отступниковъ, т. е. новоприсоединившихся, а нѣкоторые изъ раскольниковъ высказывали, что я самъ „наканунѣ“ присоединенія къ православной церкви. Чтобы разрѣшить мое недоумѣніе, относительно законности Австрійской іерархіи, я обратился было къ другимъ начетчикамъ. Въ Саратовѣ жилъ въ то время діаконовъ

Павелъ Яковлевичъ Комаровъ, котораго явнѣе изъ раскольниковъ считали старообрядческимъ златоустомъ, и вотъ къ нему-то я обратился съ просьбою, чтобы онъ разрѣшилъ мое недоумѣніе, относительно законности Австрійской іерархіи. Но что же знаменитый начетчикъ? Поговоривъ со мной немного, и вмѣсто того, чтобы доказать, на основаніи слова Божія, законность Австрійской іерархіи, огласилъ меня еретикомъ, а лже-священникъ Тумаковъ предалъ меня анаѣмъ за то, что я осмѣлился сомнѣваться, относительно законности его священства. Послѣ этого я рѣшился отправиться въ Москву къ самому архіепископу Антонію въ надеждѣ, что онъ разрѣшитъ мое недоумѣніе, а если уже не разрѣшитъ, думалъ я, то познакомясь лично съ о. архимандритомъ—Павломъ Прусскимъ. И вотъ отправился я въ Москву, и по пріѣздѣ туда остановился въ канцеляріи лже-епископа Антонія, гдѣ помѣщался главный его секретарь Анисимъ Васильевичъ Швецовъ. Какъ къ самому Антонію, такъ и къ Швецову у меня были рекомендательныя письма отъ купцовъ, хорошо имъ извѣстныхъ. Познакомившись съ Швецовымъ, я просилъ его представить меня Антонію и Швецовъ исполнилъ мою просьбу, проводивъ меня въ квартиру лже-архіепископа,—въ пустую улицу на Таганкѣ. Въ это время Антоній служилъ литургію; я сталъ на клиросѣ, прочиталъ апостоль и послушалъ не особенно пріятные голоса Московскихъ пѣвчихъ. Послѣ литургіи Швецовъ представилъ меня Антонію, у котораго я принялъ благословеніе и передалъ ему рекомендательное письмо. Антоній принялъ меня очень любезно, даже пригласилъ къ себѣ пить чай. Въ это время у него находился другой лже-епископъ Селивестръ Балтовскій и Антоній познакомилъ меня съ нимъ. Когда усѣлись за чайный столъ лже-архіепископъ Антоній, епископъ Селивестръ, діаконы Антоній и Анисимъ Швецовъ,—Антоній сталъ меня запрашивать о причинѣ моего пріѣзда въ Москву. Я откровенно заявилъ Антонію, что имѣю сомнѣніе относительно законности Австрійскаго священства. Антоній, бывшій до сего времени въ веселомъ настроеніи, услышавъ, что вопросъ касается законности носимаго имъ архіерейства, моментально измѣнился, лицо его покрылось морщинами и онъ сквозь зубы сказалъ: „совершенно „тово“

ты начитался книжекъ нашихъ отступниковъ. *) Послѣ этого Антоній ушелъ въ другую комнату, а оставшійся же-епископъ Селивестръ заговорилъ о пѣвчихъ рогожекаго кладбища. Напившись чаю, я и Швецовъ отправились въ канцелярію Антонія, — въ квартиру Швецова. По приходѣ въ квартиру, Швецовъ сказалъ мнѣ, что моимъ вопросомъ владыка Антоній очень недоволенъ и приказалъ ему, Швецову, болѣе не водить меня къ его особѣ; а если что нужно разъяснить мнѣ, то Антоній поручилъ ему, Швецову, поговорить со мной. Я сказалъ, что я проѣхалъ 700 верстъ, чтобы поговорить съ самимъ владыкой о такомъ важномъ предметѣ, на что мнѣ Швецовъ сказалъ, что Антоній не любитъ того, кто осмѣливается сомнѣваться въ нашемъ древле-православномъ священствѣ. „По этому, говорилъ онъ, я не могу васъ болѣе водить къ нему, хотя бы вы проѣхали и 7000 верстъ. Сомнѣваться же въ правильности нашего священства — непростительный грѣхъ.“ Послѣ этого, впродолженіи моего четырнадцати дневнаго пребыванія въ Москвѣ, я съ Швецовымъ имѣлъ до пяти продолжительныхъ бесѣдъ, и сколько Швецовъ ни старался, сколько ни вертѣлся, чтобы оправдать новоявленную Австрійскую іерархію, всетаки оправдать ему не пришлось и онъ сталъ уклоняться отъ разговоровъ со мною, подъ предлогомъ неимѣнія свободнаго времени. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, я отправился къ о. архимандриту Павлу, въ Никольскій, единовѣрческій монастырь. О. Павелъ принялъ меня съ отеческою любовію и когда узналъ, что я старообрядецъ, то самъ предложилъ мнѣ побесѣдовать съ нимъ и высказать мое сомнѣніе относительно церкви православной. Я предложилъ ему вопросъ о клятвахъ Московскихъ соборовъ 1656 и 1667 годовъ, относительно которыхъ я болѣе всего имѣлъ сомнѣніе. О. Павелъ основательно доказалъ и разъяснилъ мнѣ, что клятвы означенныхъ соборовъ положены не на обряды ни чѣмъ неповинные, а на людей, отдѣлившихся, изъ за обрядовъ, отъ православной церкви и похулившихъ ея таинства. Потомъ посоветовалъ мнѣ сходить (въ патріаршую ризницу, въ Румянцевъ музей, въ

*) Подъ отступниками Антоній разумѣлъ о. Филарета и другихъ присоединившихся изъ раскола къ православію.

Архангельскій, Успенскій и Благовѣщенскій соборы, посмотрѣть разныя древности. Я ходилъ туда нѣсколько разъ и увидѣлъ самъ лично, что обряды, которые употребляются въ настоящее время въ православной церкви, существовали въ глубокой древности до патріарха Никона, а именно: именованное благословеніе, изображеніе имени Христа Спасителя съ двумя буквами *И* и *и*, троеперстное сложеніе для изображенія на себѣ креста, троепіе аллилуія, пятипросфоріе и т. п. Изъ Москвы я отправился въ Сергіевскій посадъ къ преподобному Сергію Радонежскому, побывалъ въ монастырской богатой ризницѣ, гдѣ видѣлъ много древностей, между которыми видѣлъ много древнихъ иконъ, руки святыхъ, написанныхъ на этихъ иконахъ, благословляютъ именованно. Изъ Лавры я возвратился въ Москву и при этомъ у меня было желаніе побывать въ Кіевѣ; я заявилъ о своемъ намѣреніи о. Павлу и просилъ его: не имѣется ли у него въ Кіевѣ знакомыхъ, чрезъ которыхъ могъ бы я посмотрѣть и приложиться къ рукѣ преподобнаго Спиридона Просфорника, подвижника 12 столѣтія. О. Павелъ одобрилъ мою мысль и написалъ письмо къ о. протоіерею Софійскаго кафедральнаго собора. По пріѣздѣ въ Кіевъ, я остановился на квартирѣ, по совѣту Швецова у лже-священника Кирилла и тотчасъ же отправился къ о. протоіерею Лебединцеву, который принялъ меня очень любезно и самъ ходилъ со мною въ Софійскій соборъ, показывалъ мнѣ въ алтарѣ мозаиковыя иконы Святителей, которые благословляли именованно. Софійскій храмъ построенъ Ярославомъ, сыномъ Св. Владимира въ 1037 году. Когда я былъ въ соборѣ, то, въ это время одинъ мущина подошедши къ ракъ Святителя Макарія Митрополита Кіевскаго, началъ дерзко обхватывать святыя мощи. Я ему замѣтилъ, что нельзя такъ дерзко обращаться съ святыней, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что желаетъ убѣдиться въ дѣйствительности мощей, — не восковыя-ли онѣ. Это былъ безпоповець, пріѣхавшій изъ Пруссій, какъ это объяснилъ мнѣ онъ самъ. При выходѣ изъ собора, о. протоіерей написалъ записку начальнику пещеръ, чтобы онъ разрѣшилъ показать мнѣ руку Св. Спиридона. По предъявленіи записки, начальникъ пещеръ отправилъ со мной особаго монаха, который обвелъ меня

всѣми пещерами, и, наконецъ, привелъ меня къ рукѣ св. Спиридона, открылъ покровъ, снялъ съ руки атласный чехоль и я увидѣлъ сухую костлявую руку, перстосложеніе которой оказалось троеперстное: всѣ три пальца—большой, указательный и великосредній сложены вмѣстѣ плотно. По сухости пальцевъ нѣтъ никакой возможности разогнуть ихъ; я приложился къ рукѣ святаго и благодарилъ Бога, что онъ сподобилъ меня прикоснуться къ рукѣ своего угодника. Послѣ этого я подумалъ: какъ же наши раскольники, забывъ страхъ Божій, называютъ троеперстное сложеніе руки—печатию антихриста. По приходѣ изъ пещеръ на квартиру, я нарочно завелъ разговоръ съ лжепопомъ Кирилломъ о перстосложеніи, при чемъ сослался на благословляющую руку св. Спиридона и на благословляющія руки въ Софійскомъ соборѣ. Кириллъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ живетъ въ Кіевѣ нѣсколько лѣтъ и никогда не ходилъ къ святымъ мощамъ, считая это грѣхомъ и даже не одобряетъ того, кто ходитъ туда. Побывавъ въ Кіевѣ, я отправился въ свое мѣстожительство. По приѣздѣ я рассказалъ моимъ знакомымъ все, что видѣлъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Закоренѣлые старообрядцы, которые не хотѣли вѣрить ничему, только оглашали меня еретикомъ и совершенно прекратили со мной переписку относительно перстосложенія св. Спиридона. Хотя я тогда и не присоединился къ церкви православной, но уже вполне былъ убѣжденъ въ ея чистотѣ и правотѣ; по этому ходилъ постоянно въ православный храмъ для молитвы, а не присоединялся я потому, что не хотѣлось мнѣ присоединиться одному, а хотѣлось уговорить присоединиться все свое семейство,—отца, мать, братьевъ и пр. Но сколько ни уговаривалъ я ихъ, не могъ ничего сдѣлать, всѣ старанія были напрасны. Наконецъ, я рѣшилъ одинъ порвать всякую связь съ расколомъ и присоединиться къ церкви православной, что и исполнилъ 22 октября 1884 года въ Саратовѣ, въ Киновійскомъ храмѣ страстей Господнихъ. Благодареніе Господу Бгу, изведшему меня изъ непроницаемой тьмы заблужденія! Присоединялъ меня епархіальный миссіонеръ Константинъ Ананіевичъ Поповъ. Присоединеніе мое къ церкви православной глубоко оскорбило моихъ родителей, которые не хотѣли болѣе

признавать меня за сына; но впоследствии сознали свою ошибку и прислали мнѣ благословеніе на вступленіе въ бракъ съ православною. Духовное же начальство раскольниковое, а именно лже-епископъ Пафнутій запретилъ моему отцу видѣться со мною. Въ день моего присоединенія, велѣ я бесѣду съ раскольниками при Киновійскомъ храмѣ, и при многочисленномъ собраніи народа. Бесѣда была объ Австрійскомъ священствѣ. Со стороны Австрійцевъ выступили трое начетчиковъ: Гусевъ, Птахинъ и Пучковъ; здѣсь было и Австрійское духовенство, только оно въ бесѣду не вступалось, а только въ сторонѣ кричало: Иуда! измѣнникъ! Что же касается Пучкова, Птахина и Гусева, то они, не окончивъ бесѣды, со стыдомъ ушли вонъ. По присоединеніи моемъ, преосвященному Павлу, епископу Саратовскому и Царицынскому, благоудно было командировать меня въ Сердобскій, Балашовскій и Кузнецкій уѣзды для веденія бесѣдъ съ раскольниками. На бесѣдахъ въ селѣ Голяевкѣ и Кузнецкомъ, старо-брядцы заявили, что они не желаютъ со мною вести бесѣду потому только, что я вышелъ изъ среды ихъ и знаю всѣ ихъ недостатки, а по сему просили они отложить на нѣсколько времени бесѣды, до вызова ими зачитника изъ Хвалынска. Изъ села Пяше и изъ другихъ мѣстъ посыпались въ Хвалынскъ телеграммы о высылкѣ главнаго начетчика Перетрухина. Но Перетрухинъ викауда не поѣхалъ и я, проведши по пусту болѣе мѣсяца, возвратился въ Саратовъ 12 декабря. Въ это время, на имя священника Константина Аванъевича Попова, было прислано нѣсколько мнѣ приглашеній изъ разныхъ епархій: Отъ Самарскаго епископа Серафима—въ миссіонеры, отъ Вятскаго епископа тоже—въ миссіонеры, отъ священника Виноградова изъ Москвы—въ миссіонеры, изъ Новгородской епархій. отъ единоувѣрскаго благочиннаго—во священника въ единоувѣрскую церковь, изъ области войска Донскаго—во священника; наконецъ изъ Иркутска отъ архіепископа Веніамина была получена телеграмма, по которой мнѣ предлагалось быть священникомъ и миссіонеромъ на 1000 руб. жалованья, а также прогонныя и подъемныя по положенію. Когда я далъ согласіе отправиться въ Иркутскъ, то архіепископъ Веніаминъ телеграфировалъ преосвященно-

му Павлу Саратовскому рукоположить меня и отправить въ Иркутскъ, но преосвященный Павелъ предложилъ мнѣ остаться въ Саратовской епархіи, съ обѣщаніемъ предоставить мнѣ тамъ священническое мѣсто и наложилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: „Послать Кочергина въ миссіонеры въ г. Хвалынскъ впредь до рукоположенія его во священника“, а въ Иркутскъ отписали, что Кочергинъ нуженъ для своей епархіи. Въ февралѣ мѣсяцѣ я отправился въ г. Хвалынскъ; мѣстные раскольники встретились не на шутку, потребовали своего миссіонера Перетрухина и лже-священника Псея Африканова, и приказали имъ, какъ можно, отстаивать Австрійское священство; но сколько ни старались они, а оправдать Австрійское священство не могли *). Послѣ этого они болѣе не являлись на публичныя собесѣдованія; но за то много собесѣдованій было въ частныхъ домахъ г. Хвалынска и въ его окрестностяхъ. Одна изъ такихъ бесѣдъ была замѣчательна въ деревнѣ Подлѣсномъ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Хвалынска, жители которой почти всѣ принадлежатъ къ бѣглопоповскому согласію. Перетрухинъ нѣсколько разъ ѣздилъ туда съ цѣлью совратить ихъ въ Австрійство; долго крѣпились бѣглопоповцы, многіе изъ нихъ были готовы къ переходу. Но вотъ одному крестьянину пришла благая мысль; онъ предложилъ своимъ единовѣрцамъ, прежде чѣмъ идти въ Австрійство, устроить бесѣду съ Перетрухинымъ и пригласить православнаго миссіонера. Если Перетрухинъ оправдаетъ свое священство, тогда перейдемъ. Всѣ согласились на его предложеніе, собрались въ домъ помянутаго крестьянина Дементія Филипповича Болдива, пригласили меня на бесѣду; явился и Перетрухинъ съ лже-попомъ Псеомъ Африкановымъ и еще человекъ 5 изъ Черемшанскаго монастыря, завасшись большимъ количествомъ книгъ. Бесѣда продолжалась семь часовъ, въ продолженіе которыхъ Перетрухинъ употреблялъ всѣ усилія въ защиту Австрійской іерархіи и пускался въ обвиненіе православной церкви; но ни того, ни другаго ему не удалось и бесѣда кончилась полнымъ пораженіемъ Австрійцевъ.

*) По замѣчанію слушателей, Перетрухинъ и Африкановъ никогда не уходили въ такомъ печальномъ настроеніи, какъ въ этотъ разъ.

Послѣ бесѣды, хозяинъ дома, Болдинъ, подошедши ко мнѣ, въ присутствіи всѣхъ слушателей, которыхъ было до 200 чело-
вѣкъ, благодарилъ меня за разъясненіе истины и за обличеніе
Австрійской іерархіи, затѣмъ, обращаясь къ Перетрухину, ска-
залъ: „Вы, г. Перетрухинъ, прошу васъ, болѣе съ своей Австріей
къ намъ не являйтесь! Іерархія ваша самодѣльная, а вы ѣздите
и обманываете только людей. Заявляю вамъ, продолжалъ Бол-
динъ, я болѣе не безпоповецъ, а сынъ православной церкви,
въ одной только православной церкви можно получить спа-
сеніе“. И дѣйствительно Болдинъ, послѣ бесѣды, чрезъ 8 дней,
присоединился къ православной церкви самъ и его семейство,
состоящее изъ двоихъ женатыхъ сыновей и четверыхъ внучатъ.
Перетрухинъ, выслушавъ такое заявленіе отъ Болдина, въ та-
кое пришелъ негодованіе, что хотѣлъ было разубѣдить его шу-
момъ пріѣхавшихъ съ нимъ раскольниковъ; но Болдинъ во вре-
мя остановилъ ихъ. Послѣ бесѣды мнѣ передавали со стороны
бѣглопоповцевъ, что Перетрухинъ хотѣлъ погасить огонь и съ
своими Черемшанскими сподвижниками побить меня. Это могло
случиться, потому что Перетрухинъ и Псой Африкановъ съ
своими подвижниками были подъ сильнымъ влияніемъ бахуса,
несмотря на то, что это было во время Великаго поста. Счи-
таю нужнымъ объяснить, что раскольники бывають очень озлоб-
лены на того, кто изъ среды ихъ переходитъ въ православіе;
они всевозможными мѣрами стараются очернить его въ глазахъ
народа и сдѣлать какой бы то ни было вредъ. Вскорѣ, послѣ
моего присоединенія, раскольники сговорились было, по окончаніи
мною бесѣды въ Киновіи, пригласить меня въ домъ одного рас-
кольника Е. подъ предлогомъ побесѣдовать, а между тѣмъ хотѣли
меня тамъ поколотить. Для этого спеціально были подготовлены
пять здоровыхъ мужиковъ, заранѣе напоенныхъ водкой. Благо-
даря лишь тому, что я, наканунѣ этого дня, выѣхалъ по мис-
сіи въ Сердобскій уѣздъ, спасся отъ побоевъ, а быть можетъ и
отъ смерти. Въ Хвалынскѣ раскольники величали меня различными
именами: іудой, антихристомъ и т. п., а Перетрухинъ грозилъ
мнѣ даже высылкою, чрезъ исправника, изъ города. По просьбамъ
богатыхъ купцовъ: Михайлова и Кузьмина, 10 мая 1885 года, въ

засѣданіи совѣта братства было постановлено ходатайствовать предъ его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Павломъ, епископомъ Саратовскимъ, о рукоположеніи меня во священника въ г. Хвалынскъ, въ единовѣрческую церковь. Затѣмъ 11 сентября совѣтъ братства вторично просилъ преосвященнаго Павла о рукоположеніи меня во священника въ православный приходъ, въ село Мазу Хвалынскаго уѣзда. Преосвященный Павелъ отъ 16 сентября положилъ слѣдующую резолюцію: „предлагаю совѣту братства на испытаніе Кочергина—въ его готовности и способности къ прохожденію пастырскаго служенія и о послѣдующемъ довести мнѣ. Испытаніе имѣетъ быть въ дознаніи знакомства Кочергина съ православнымъ ученіемъ вѣры—по катихизису Филарета Московскаго съ уставомъ церковнымъ“. 10 октября 1885 года, по порученію совѣта братства Св. Креста, председатель означеннаго совѣта, протоіерей Михаилъ Александровичъ Соколовъ производилъ экзамень, по окончаніи котораго сообщилъ преосвященному Павлу, что я оказался совершенно свѣдущимъ и преосвященный Павелъ хотѣлъ было предоставить мнѣ священническое мѣсто. Но въ это время получено было имъ письмо отъ Преосвященнаго Евгенія, Епископа Астраханскаго и Енонтаевскаго,—приглашеніе, не пожелаетъ ли кто, изъ миссіонеровъ Саратовской епархіи, поступить приходскимъ священникомъ въ городъ Астрахань и преосвященный Павелъ предложилъ мнѣ. Я согласился и 21 октября прибылъ въ Астрахань, а 24 ноября 1885 года рукоположенъ былъ Преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ, Епископомъ Астраханскимъ, во священника въ Покровскую церковь въ городѣ Астрахани.

Священникъ Евстрій Кочергинъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Псалмы (стихи духовные) на 4 голоса и фортепіано, распѣваемые въ килейныхъ собраніяхъ монашествующими, и въ народѣ православномъ, такъ именуемыми старичками. Цѣна 2 р. Собралъ и издалъ священникъ Михаилъ Георгіевскій. Получать можно отъ издателя, въ г. Москвѣ, въ Газетномъ переулкѣ, въ д. Ниловой Пустыни.